

ОБ ИСКУССТВЕ АКТЕРОВ

(По поводу лекции кн. С.М. Волконского
в Художественном театре)

За последние годы мы слышали так много о том, чем театр должен быть, к чему он идет, откуда он исходит, как следует ставить пьесы. Публика была посвящаема во все тайны режиссерского искусства, и ей были представлены на суд образцы всех постановочных опытов. И драматург, и актер исчезли со сцены перед лицом режиссера. Режиссеры стали полководцами, командующими военными действиями, и в славе их померкли составители диспозиций — драматурги, и солдаты — актеры.

Режиссер, по замыслу своей роли в театре, должен быть тайной пружиной. Когда он невидим, когда о нем не говорят, это признак того, что в театре все благополучно. Но как только он появляется на сцене лично, чтобы заменить неспособного актера или спасти бездарного драматурга, это значит, что равновесие драматического искусства нарушено, и театру грозит опасность.

Талантливость режиссеров — опасный симптом в жизни театра.

Никогда и ни в какую эпоху мы не имели стольких талантливых и умных режиссеров!

И никогда стольких тайн не разоблачалось перед публикой: режиссеры разоблачили перед ней тайны постановок, поэты — тайны духа трагедии, критики — тайны понимания и восприятия зрителем театрального действия... Одни актеры были забыты. Публика рассеянно скользила глазами по их лицам во время представления, следя лишь за «барельефностью» фигур, об них даже не теоретизировали; и только кто-то из великих европейских режиссеров, кажется Гордон Краг, воскликнул: «Нельзя ли заменить актеров каким-нибудь более гибким материалом?»

Только на днях, в первый раз за целое десятилетие, довелось нам услышать «Об искусстве актера» — лекцию князя С.М. Волконского, которую он прочел в Художественном театре 6 ноября.

— Русский актер, — говорил он, — направляет все усилия, чтобы *проникнуться* ролью, и совершенно не заботится о том, как *передать* ее.

— Русского актера учат не обдумывать и не вырабатывать своих жестов заранее, инстинктивный жест должен быть верен сам по себе. Но тот инстинкт, который учит делать верный жест в жизни, покидает человека на сцене. На сцене все условно. Жизнь на сцене сведена к своим основным логическим линиям, и сценическая правда требует логики и последовательности этих схематических линий.

Всякое творчество предполагает известную технику ремесла, интимное знакомство с материалом. Живописец должен иметь в своем распоряжении богатую палитру оттенков и их комбинаций, поэт — палитру жестов и интонаций. Знаменитый создатель целой школы французских актеров, Дельсарте, мог произнести слова: «Я не хочу вам сказать — нет» — с шестьюстами оттенками. Только с такой палитрой и возможна полнота творчества.

Строго осуждая «аэропланность» современных рассуждений о театре, кн. Волконский подошел к самой азбуке искусства, к алфавиту жестов и интонаций. Он подверг глубокому, последовательному и острому анализу основные элементы актерской техники и выявил типичные бессмыслицы и трафареты русских актеров, наглядно иллюстрируя их примерами и мимикой.

При этом вспоминались невольно католические руководства для проповедников, бывшие в ходу до начала XIX века, где в систематическом порядке были перечислены всевозможные виды грехов. (Эти руководства составляли, между прочим, усладу школьников того времени, когда не были еще изобретены популярные медицинские учебники по сексуальным вопросам).

Такие систематические списки грехов были бы полезны и теперь для каждого из искусств. Необходимы каталоги всех

трафаретов, клише и банальностей, процветающих в каждом искусстве. Как образец таких книг, можно указать книгу Луазон-Бридэ (Марсея Швоба) «Нравы журналов. Трактат о журналистах»,¹ книгу классическую в своем роде, по прочтении которой становится почти немислимым читать современные газеты.

Зародыш такой же книги нам чудится в лекции кн. С.М. Волконского. Эта книга должна быть подробной, как сама сцена, все грехи – и смертные, и малые, должны там стоять в порядке на своем месте. Такая книга неизбежно станет настольной для каждого актера, для каждого любителя театра.